нападеній противниковъ. Но теперь, когда цѣлая полоса соціалистической мысли въ формѣ рѣзкаго и исключительнаго марксизма отходитъ въ исторію, надо же надлежащимъ образомъ понять здоровое зерно марксизма и постараться не выбросить его за дверь, а вдвинуть въ надлежащія условія роста и развитія. И всего лучше, можетъ быть, представить великій переломъ, совершенный Марксомъ въ общественной наукѣ, какъ протестъ противъ интеллектуализма въ исторіи, противъ излишняго преувеличенія роли ума, сознанія отдѣльныхъ людей; и какъ признаніе могущества—я, право, не подберу подходящаго слова—ну, скажемъ, коллективнаго сенсуализма, разумѣя подъ этимъ совокупность безсознательныхъ и полусознательныхъ, но всемогущихъ привычекъ, чувствъ, потребностей, аффектовъ громаднаго большинства членовъ даннаго общества.

Дѣйствительно, когда начинаешь соображать, какимъ сравнительно небольшимъ островкомъ, освѣщеннымъ солнцемъ сознанія, рисуется, по даннымъ современной психологіи, та часть нашего «я», въ которой мы можемъ дать себѣ ясный отчетъ; и какимъ шумнымъ, великимъ и мало прозрачнымъ по своей глубинѣ океаномъ обступаетъ эту ничтожную землю нашъ душевный безсознательный или наполовину сознательный міръ, — то не удивишься, что въ коллективной психологіи, гдѣ дѣло идетъ о столкновеніи безчисленнаго ряда нашихъ, столь сложныхъ, столь смутныхъ «я», роль сознанія должна быть въ большинствѣ случаевъ очень не велика по сравненію съ безсознательными и полусознательными стремленіями.... Должна, конечно, въ смыслѣ нѣмецкаго müssen, а не sollen, должна не потому, что такъ было бы желательнѣе для насъ, а потому, что до сихъ поръ такъ происходитъ. Но, вѣдь, мы знаемъ, что и «научный соціализмъ», говоря о неизбѣжности современной общественной эволюціи, о грядущемъ скачкѣ человѣчества изъ міра необходимости въ міръ свободы, нисколько не предрѣшалъ вопроса о будущемъ, неизмѣримо большемъ значеніи сознанія, а лишь указывалъ на сравнительную слабость его въ настоящемъ.

Ясно поэтому, что если для утописта рѣшеніе соціальнаго вопроса заключалось въ построеніи умственнаго плана, въ сообщеніи его другимъ зачастую лишь привилегированнымъ личностямъ,—напр., королямъ-реформаторамъ, капиталистамъ-филантропамъ, ученымъ-новаторамъ, проповѣдникамъ-энтузіастамъ,—двигающимъ въ свою очередь массы, то для Маркса рѣшеніе соціальнаго вопроса заключалось въ констатированіи чувствъ, потребностей и стремленій цѣлаго общества и въ опредѣленіи пути, по которому идетъ это общество для достиженія этихъ великихъ, отчасти сознаваемыхъ, по большей части безсознательныхъ—въ данный моментъ—цѣлей. Да, въ этомъ смыслѣ, конечно, «не сознаніе опредѣляетъ бытіе, а бытіе сознаніе»: самыя замѣчательныя отдѣльныя мысли не производятъ существеннаго дѣйствія на ходъ развитія общества, если только въ этихъ мысляхъ не ищутъ своего яснаго сознательнаго выраженія смутныя, полубезсознательныя, но могучія потребности развивающагося коллективнаго организма. Да, въ этомъ смыслѣ, конечно, и люди находятъ «независящія отъ ихъ воли отношенія»: великая коллективная психологія не управляется желаніями отдѣльныхъ личностей, если только эти личности не выражаютъ въ терминахъ сознанія уже назрѣвающихъ преобразованій въ мірѣ чувствъ, потребностей и навыковъ человѣчества. Конечно, люди вообще могутъ измѣнить данныя отношенія, если захотятъ; но надо, чтобы они захотѣли. А на эту коллективную волю желанія отдѣльныхъ лицъ могутъ дѣйствовать лишь въ ограниченныхъ размѣрахъ.

При этихъ разсужденіяхъ не надо, конечно, забывать, что первая кристаллизація упомянутыхъ коллективныхъ чувствъ и стремленій совершается, согласно Марксу, исключительно—и въ этомъ есть преувеличеніе (см. ниже)—вокругъ матеріальнаго ядра орудій, инструментовъ, машинъ и вообще техники и пріемовъ производства. Но въ интенсивно живущемъ капиталистическомъ обществѣ именно это ядро растетъ и развивается быстрѣе облегающихъ его слоевъ коллективной психологіи, разрываетъ эту оболочку, производитъ нравственныя пертурбаціи и выражается тогда